

НИКОЛАЙ  
ЛЕСКОВ

ЧЕРТОГОН

T8 RUGRAM

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
Л50

**Лесков, Н.С.**

Л50 Чертогон / Н.С. Лесков — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 172 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72551-4

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Николая Семёновича Лескова «Чертогон».

УДК 82-31  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
BIC FC  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72551-4

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019  
© Т8 Издательские технологии, 2019

## СОДЕРЖАНИЕ

---

|                 |    |
|-----------------|----|
| ЧЕРТОГОН .....  | 5  |
| Первая .....    | 5  |
| Вторая .....    | 6  |
| Третья .....    | 10 |
| Четвертая ..... | 11 |
| Пятая .....     | 16 |
| БАМБОЧАДА ..... | 22 |



## ЧЕРТОГОН

---

### ПЕРВАЯ

Это обряд, который можно встретить только в одной Москве, и притом не иначе как при особом счастье и протекции.

Я видел чертогон с начала до конца благодаря одному счастливому стечению обстоятельств и хочу это записать для настоящих знатоков и любителей серьезного и величественного в национальном вкусе.

Хотя я с одного бока дворянин, но с другого близок к «народу»: мать моя из купеческого звания. Она выходила замуж из очень богатого дома, но вышла уходом, по любви к моему родителю. Покойник был молодец по женской части и что намечал — того и достигал. Так ему удалось и с мамашей, но только за эту ловкость матушкины старики ничего ей не дали, кроме, разумеется, гардеробу, постелей и Божьего милосердия, которые были получены вместе с прощением и родительским благословением, навеки нерушимым. Жили мои старики в Орле, жили нужно, но гордо, у богатых материных родных ничего не просили. Да и сношений с ними не имели. Однако, когда мне пришлось ехать в университет, матушка стала говорить:

— Пожалуйста, сходи к дяде Илье Федосеевичу и от меня ему поклонись. Это не унижение, а старших родных

---

уважать должно, а он мой брат, и к тому благочестив и большой вес в Москве имеет. Он при всех встречах всегда хлеб-соль подает... всегда впереди всех стоит с блюдом или с образом... и у генерал-губернатора с митрополитом при-  
нят... Он тебя может хорошему наставить.

А я хотя в это время, изучив Филаретов катехизис, в Бога не верил, но матушку любил, и думаю себе раз: «Вот я уже около года в Москве и до сих пор материной воли не исполнил; пойду-ка я немедленно к дяде Илье Федосеичу, повидаясь, снесу ему материн поклон и взаправду погляжу, чему он меня научит».

По привычке с детства я был к старшим почтителен, особенно к таким, которые известны и митрополиту и губернаторам.

Восстав, почистился щеточкой и пошел к дяде Илье Федосеичу.

### ВТОРАЯ

Было так часов около шести вечера. Погода стояла теплая, мягкая и сероватая — словом, очень хорошо. Дом дяди известен — один из первых домов в Москве, — все его знают. Только я в нем никогда не был и дядю никогда не видал, даже издали.

Иду, однако, смело, рассуждая: примет — хорошо, а не примет — не надо.

Прихожу на двор; у подъезда стоят кони-львы, сами вороные, а гривы рассыпные, шерсть как дорогой атлас лоснится, а заложены в коляску.

Я взошел на крыльцо и говорю: так и так, я племянник, студент, прошу доложить Илье Федосеичу.

А люди отвечают:

— Они сами сейчас сходят — едут кататься.

Показывается очень простая фигура, русская, но довольно величественная, в глазах с матушкой есть сходство, но выражение иное, что называется, солидный мужчина.

Отрекомендовался ему; он выслушал молча, тихо руку подал и говорит:

— Садись, проедемся.

Я было хотел отказаться, но как-то замялся и сел.

— В парк! — велел он.

Львы сразу приняли и понеслись, только задок коляски подпрыгивает, а как за город выехали, еще шибче помчали.

Сидим, ни слова не говорим, только вижу, как дядя себе цилиндр краем в самый лоб врезал, и на лице у него этакая, что называется, плюмса, как бывает от скуки.

Туда-сюда глядит и один раз на меня метнул глазом и ни с того ни с сего проговорил:

— Совсем жисти нет.

Я не знал, что ответить, и промолчал.

Опять едем, едем; думаю: куда это он меня завозит? И начинает мне сдаваться, что я как будто попал в какую-то статью.

А дядя вдруг словно повершил что-то в уме и начинает отдавать кучеру одно за другим приказания:

— Направо, налево. У «Яра» — стой!

Вижу, из ресторана много прислуги высыпало к нам, и все перед дядею чуть не в три погибели гнутся, а он из коляски не шевелится и велел подать хозяина. Побежали.

Является француз, тоже с большим почтением, а дядя не шевелится: костью набалдашника палки о зубы постукивает и говорит:

— Сколько лишних людей есть?

— Человек до тридцати в гостиных, — отвечает француз, — да три кабинета заняты.

— Всех вон!

— Очень хорошо.

— Теперь семь часов, — говорит, посмотрев на часы, дядя, — я в восемь заеду. Будет готово?

— Нет, — отвечает, — в восемь трудно... у многих заказано... а к девяти часам пожалуйста, во всем ресторане ни одного стороннего человека не будет.

— Хорошо.

— А что приготовить?

— Разумеется, эфиопов<sup>1</sup>.

— А еще?

— Оркестр.

— Один?

— Нет, два лучше.

— За Рыбкой послать?

— Разумеется.

— Французских дам?

— Не надо их!

— Погреб?

— Вполне.

— По кухне?

— Карту!

---

<sup>1</sup> Эфиопы — здесь: цыгане, но в Древней Руси так или иначе звали чертей.

Подали дневное тепле.

Дядя посмотрел и, кажется, ничего не разобрал, а может быть, и не хотел разбирать.

Пощелкал по бумажке палкою и говорит:

— Вот это все на сто особ.

И с этим свернул карточку и положил в кафтан.

Француз и рад и жмется:

— Я, — говорит, — не могу все подать на сто особ. Здесь есть вещи очень дорогие, которых во всем ресторане всего только на пять шесть порций.

— А я как же могу моих гостей рассортировать? Кто что захочет, всякому чтоб было. Понимаешь?

— Понимаю.

— А то, брат, тогда и Рябыка не подействует. Пошел!

Оставили рестораника с его лакеями у подъезда и покатили.

Тут я уже совершенно убедился, что попал не на свои рельсы, и попробовал было проститься, но дядя не слышал. Он был очень озабочен. Едем и только то одного, то другого останавливаем.

— В девять часов к «Яру»! — говорит коротко каждому дядя.

А люди, которым он это сказывает, все почтенные такие старцы, и все снимают шляпы и так же коротко отвечают дяде:

— Твои гости, твои гости, Федосеич.

Таким порядком, не помню, сколько мы остановили, но я думаю, человек двадцать, и как раз пришло девять часов, и мы опять подкатили к «Яру». Слут целая толпа высыпала навстречу и берут дядю под руки, а сам француз на крыльце салфеткою пыль у него с панталон обил.

— Чисто? — спрашивает дядя.

— Один генерал, — говорит, — запоздал, очень просился в кабинете кончить...

— Сейчас вон его!

— Он очень скоро кончит.

— Не хочу, довольно я ему дал времени, теперь пусть идет на траву доедать.

Не знаю, чем бы это кончилось, но в эту минуту генерал с двумя дамами вышел, сел в коляску и уехал, а к подъезду один за другим начали прибывать гости, приглашенные дядею в парк.

### ТРЕТЬЯ

Ресторан был убран, чист и свободен от посетителей. Только в одной зале сидел один великан, который встречал дядю молча и, ни слова ему не говоря, взял у него из рук палку и куда-то ее спрятал.

Дядя отдал палку, нимало не противореча, и тут же передал великану бумажник и портмоне.

Этот полуседой массивный великан был тот самый Рябыка, о котором при мне дано было ресторатору непонятное приказание. Он был какой-то «детский учитель», но и тут он тоже, очевидно, находился при какой-то особой должности. Он был здесь столь же необходим, как цыгане, оркестр и весь туалет, мгновенно явившийся в полном сборе. Я только не понимал, в чем роль учителя, но это было еще рано для моей неопытности.

Ярко освещенный ресторан работал: музыка гремела, а цыгане расхаживали и закусывали у буфета, дядя обзоре-